

**Комментарий как способ создания интерпретации текста на уроках литературы.
Стихотворение "Во глубине сибирских руд".**

Одним из наиболее распространенных приемов изучения литературы в школе является комментирование. Необходимость комментирования текста проистекает из очевидности дистанции, отделяющей современного читателя-школьника от литературного произведения, рассматриваемого на уроке, и от исторически и эстетически обусловленного литературного процесса. Преодоление или, точнее, сокращение этой дистанции и есть цель и задача комментирования как метода изучения литературы в школе.

В опубликованном недавно спецкурсе, посвященном роману в стихах А.С.Пушкина "Евгений Онегин" Ю.М.Лотман высказал соображение, которое по своей значимости далеко выходит за рамки обозначенной исследователем темы и может рассматриваться как важнейшее, для методики преподавания литературы, положение: "Объем культурной памяти и ее состав значительно колеблется даже в пределах читательской аудитории одной эпохи. Поэтому цитата, особенно невыделенная, <...> создавая атмосферу намека, расчленяет читательскую аудиторию на группы по признаку "свои – чужие", "близкие – далекие", "понимающие – непонимающие". Текст приобретает характер интимности по принципу "кому надо, тот поймет". При этом весьма распространен случай двойной отсылки, что создает многоступенчатую систему приближения читателя к тексту: одни воспринимают текст как непосредственное выражение авторской мысли (наиболее "чужие"), другие понимают, что текст содержит намек, но не могут его дешифровать, третьи могут соотнести содержащуюся в ... тексте цитату с определенным внешним текстом и извлечь смыслы, вытекающие из этого сопоставления. И, наконец, четвертые знают специфическое употребление этой цитаты в тесном дружеском кружке, связанные с нею кружковые ассоциации, ее эмоционально-культурный ореол, "домашнюю семантику" [Лотман, С. 414]. В сущности, диалогические взаимоотношения автора и читателя, лежащие в основе литературы, будь то А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь или И. Бродский и Венедикт Ерофеев, строятся так, как об этом пишет Ю.М. Лотман. Ярчайший пример такого обращенного к читателю как собеседнику повествования являет собой проза С. Довлатова.

При таком понимании всякий художественный текст, будучи жестко структурированной системой, организует, направляет восприятие "своего" читателя и остается нейтральным по отношению к читателю "чужому", каким, по определению, является изначально любой читатель-школьник.

На этом основании мы можем сделать два важнейших вывода:

1. Если одной из задач литературного образования и деятельности учителя-словесника является качественное совершенствование читательского восприятия школьников, то комментирование текста способствует преобразованию "чужого" по отношению к художественному произведению читателя в "своего" и подключает его к "силовому полю" этого произведения. Художественный текст содержит в себе установку на понимание, но реализация этой установки в сознании познающего субъекта возможна только в ситуации диалога "автор - читатель".

2. Если, по утверждению В.Г. Маранцмана, "цель школьного анализа – создание читательской интерпретации произведения и соотнесение ее с научным исследованием текста, корректирование субъективных представлений читателя объективным смыслом произведения, раскрытым литературоведением" [Маранцман В.Г. Методика преподавания литературы, С.152.], то комментирование создает предпосылки создания такой интерпретации, которая, оставаясь субъективной по степени ее психологического проживания, была бы устремлена к объективности оценок по результатам читательского анализа.

Выбор того или иного вида комментирования определяется, с одной стороны, каждой конкретной учебной ситуацией, а с другой – целями и задачами анализа, которые ставит перед собой и учащимися учитель.

Едва ли не самым важным из видов комментирования оказывается комментарий лексический и не только по той простой причине, что многие слова в литературном тексте вышли из употребления и, следовательно, неизвестны и непонятны школьникам. Гораздо важнее другое: слово в литературе – слово контекстуальное, оно всегда метафоризируется в тексте, обогащаясь значениями и смыслами, не воспроизводимыми в толковом словаре. Оно всегда погружено в контекст культуры, культурной традиции, и, следовательно, функционирует в тексте как носитель или, точнее, знак этой традиции. Лексическая многозначность слова в литературе не столько феномен чисто лингвистический, сколько культурный. Безусловно, школьники обращают внимание на это в самую последнюю очередь и нуждаются в создании контекста восприятия художественного произведения, адекватного той культурной традиции, в которой оно функционировало.

Лексическая многозначность слова, понятая с этой позиции, создает условия для переакцентировки содержания литературного текста воспринимающим сознанием. История культуры знает множество тому примеров. Так в 1827 году А.С. Пушкин написал знаменитое послание в Сибирь "Во глубине сибирских руд", на которое А.И. Одоевский ответил стихотворением "Струн вещей пламенные звуки". В нем есть такие строчки:

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей –
И радостно вздохнут народы! –

В соотношении с началом стихотворения:

Струн вещей пламенные звук
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И – лишь оковы обрели. –

они совершенно отчетливо говорят о том, что Одоевский, в словах Пушкина:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут - и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут. –

увидел утверждение веры поэта в конечное торжество свободы. Для поэта-декабриста меч – это, прежде всего, оружие, т.е. орудие борьбы за осуществление своих идеалов; свобода, упоминаемая Пушкиным, – свобода от деспотии царской власти, т.е. свобода политическая и гражданская, а не свобода личная; оковы и темницы – не только и не столько реалии каторжной жизни, сколько метафора самовластия. Следовательно, в прочтении А.И. Одоевского стихотворение А.С. Пушкина – это, прежде всего, оправдание "скорбного труда", признание правды "высоких дум". Сам же Пушкин при таком прочтении его стихотворения оказывается соратником и единомышленником декабристов. Но так ли это? Широко известны рисунок поэта с изображением виселицы и пятерых повешенных, сделанный после известия о казни декабристов, и подпись под ним: "И я бы мог", – которая по некоторым данным имела продолжение: "И я бы мог, как шут", что резко меняет ее смысл на прямо противоположный. Не менее известны и слова из письма А.С. Пушкина П.А. Вяземскому от 10 июля 1826 года: "Бунт и революция мне никогда не нравились, это

правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова". 14 августа поэт писал тому же адресату: "... каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна". Из последнего высказывания очевидно явствует признание близости поэта декабристам, но вовсе не очевидным остается вопрос о близости идейной. В декабре 1826 года – начале января 1827 года А.С. Пушкин написал три стихотворения, поразившие уже его современников, как им казалось, непоследовательностью позиции, едва ли не конформизмом: 13 декабря – "Мой первый друг, мой друг бесценный", 22 декабря – "Стансы", начало января – "Во глубине сибирских руд". Ряд последовавших за ними стихотворений усиливает ощущение этой непоследовательности: "Арион" (16 июля 1827 года), "Бог помочь вам, друзья мои" (19 октября 1827 года), "Друзьям" ("Нет, я не льстец, когда царю хвалу свободную слагаю..." – начало 1828 года).

Н.Я. Эдельман, считая противоречивость позиции поэта досужим вымыслом исследователей и читателей, полагал, что заговор и власть "требовали исторического рассмотрения" [Эдельман, С.113.]. А.С.Пушкин, по мнению ученого, разрешил эту дилемму следующим образом: "Власть: Пушкин находит сходство первых лет Николая и Петра, когда "мятежи и казни" сочетались с благими делами, "славными днями". <...> Поэт глядит на 1825 – 1826 годы как с близких, так и с дальних, даже "древнеримских дистанций" и стремится вырваться из плена сегодняшней предвзятости. "Необъятная сила вещей" взяла верх, обнаружив несбыточность, неосновательность декабрьской попытки. В руках власти теперь, однако, огромные возможности для постепенного осуществления тех реформ, о которых мечтали декабристы. Декабристы: они получают у Пушкина полное нравственное признание: у них "дум высокое стремленье"; их "безумие" вызывает симпатии (многие знали о восклицании Рылеева накануне восстания, когда дело представлялось проигранным: "А все-таки надо!"). Пусть даже средства, выбранные декабристами, ошибочны – цели все равно благородны; погибая, они выкрикнули истины, которые нельзя игнорировать, и правительство должно задуматься – иначе не выполнит исторического предназначения... В сознании Пушкина обозначается сложнейшая, диалектическая формула известной исторической необходимости, естественности обеих противоборствующих сил. И если так, то не возможно ли в будущем примирение, основанное на единстве цели - благоденствии России? Если так, то не за горами амнистия, и две могучие силы найдут друг друга" [там же].

Н.Я. Эдельман объяснил противоречивость поэтической позиции А.С.Пушкина диалектизмом исторического мышления, но не скрывает ли этот диалектизм релятивизм нравственной позиции поэта, что так "возмутило" другого современного ученого, А. Синявского, который, комментируя стихотворение "Бог помочь вам, друзья мои", писал: "Вероятно, никогда столько сочувствия людям не изливалось разом в одном – таком маленьком – стихотворении. Плакать хочется – до того Пушкин хорош. Но давайте на минуту представим в менее иносказательном виде и "мрачные пропасти земли", и "заботы царской службы". В пропастях, как всем понятно, мытарствовали тогда декабристы. Ну а в службу царю входило эти пропасти охранять. Получается Пушкин желает тем и другим скорейшей удачи. Узнику – милость, беглому – лес, царский слуга – лови и казни. Так, что ли?! Да (со вздохом) – так." [Терц Абрам /Андрей Синявский/, С.371.]. При почти неприкрытом "стилистическом ерничанье" Синявского-Терца в его словах есть известная доля истины. Пушкин хорош, но только не в том ироническом смысле, который сквозит в словах его комментатора. От самого поэта известен его ответ на вопрос Николая I во время так называемой "тайной аудиенции":

"— Пушкин, если бы ты был в Петербурге, принял ли бы ты участие в 14 декабря?"

— Неизбежно, государь; все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них. Одно отсутствие спасло меня, и я благодарю за то Небо".

В этом ответе нет ни намека на близость поэту декабристских идей и, одновременное, признание нерасторжимости дружеских уз. Это признание в той или иной степени мы найдем в каждом из стихотворений, связанных с событиями 14 декабря 1825 года.

Попробуем с этой точки зрения посмотреть на текст "Во глубине сибирских руд", сразу отметив, что это ни в коем случае не отменяет иных подходов, например, высказанного В.М. Марковичем в статье "Чудесное в интимной и политической лирике А.С. Пушкина" [Маркович В.М., С.66 – 95.]. Намеренно отвлекаясь от исторического и биографического контекста возникновения стихотворения, "ориентируясь только на очевидный смысл сказанного в нем самом и принимая во внимание лишь те поэтические подтексты и ассоциативные связи, подразумевание которых было для большинства читателей пушкинской эпохи своего рода неизбежностью" [там же, С.70], исследователь приходит к выводу, что "перед читателем разворачивается своеобразная утопия, идеальный проект, принявший поэтическую форму"[там же, С.71].

В целом принимая такую трактовку пушкинского стихотворения, хотелось бы дополнить ее некоторыми наблюдениями, позволяющими, на наш взгляд несколько сместить акценты. Безусловно, важнейшей в стихотворении является заключительная строфа, утверждающая, неизбежность наступления "желанной поры" свободы и братства. А.И. Одоевский, поэт-декабрист и современник Пушкина, патетически настаивал на том, что она наступит вследствие непрекращающейся революционной борьбы ("из искры возгорится пламя"). Наш современник В.М. Маркович посмотрел на стихотворение иначе. Он увидел в нем, прежде всего, поэтическое осуществление утопического идеала поэта: "... в словесно-эмоциональном потоке лирического монолога все три темы [1. торжества общественной гармонии, 2. торжества над "мрачными затворами" темниц "любви и дружества", 3. преодолевающего все те же преграды "свободного гласа" - прим. С.Ф.] следуют одна за другой и поэтому одна в другую непосредственно перерастают. Как только названы силы, способные преодолеть то, что разъединяет и сковывает людей (такими силами оказываются любовь, дружба и поэтическое творчество), немедленно появляется вера в расторжение оков, крушение темниц, радостную встречу со свободой, в торжество справедливости и человеческого братства. В читательском восприятии это может стать своеобразным эквивалентом причинно-следственной связи, поскольку представление о побеждающей силе любви, дружбы и поэзии занимает "нормальное" композиционное положение мотивировки последующего, а никаких других мотивировок, обосновывающих веру в наступление нового общественного состояния, в стихотворении нет. Объяснение обозначенной таким образом связи отсутствует: непонятно, как смогут воздействовать "любовь и дружество" (или "свободный глас" поэта) на общественную жизнь, как вызовут они в ней глубочайшие перемены. Но в самом интонационном звучании текста, в необратимости его тематических переходов ощущается абсолютная уверенность в том, что это произойдет непременно. ... объяснение внутренней связи нескольких явлений отсутствует, но очевидно, что такая связь существует и что она способна коренным образом изменить существующий мир. Подобные ситуации современники Пушкина воспринимали как чудесные"[там же, С.73]

Попытаемся последовательно рассмотреть выше обозначенные позиции. "Оковы падут", "темницы рухнут", но что тому причиной - победа в освободительной революционной борьбе или что-то другое? В стихотворении такой силой является "любовь и дружество", именно они, как и "свободный глас", не знают преград и не считаются с оковами и темницами, как справедливо считает В.М. Маркович, никаких политических и социальных мотивов в стихотворении нет. Надо полагать, что Одоевский увидел в стихотворении Пушкина то, что он хотел увидеть, а не то, что в нем есть на самом деле. Исторически и ситуативно это объяснимо. Единственным основанием для выстраивания определенной программы революционной борьбы, а именно так воспринимается стихотворение Одоевского, является заключительный пушкинский стих: "Братья меч вам отдадут". Как выше уже отмечалось, меч в восприятии Одоевского, прежде всего, оружие. Меч же это не только оружие, но и символ дворянской, рыцарской чести, "стилистически сублимированный эквивалент дворянской шпаги" [там же, С.71], "символ единения, ассоциативно связанный с представлением о рыцарских ритуалах и союзах" [там же]. На этом основании можно сделать вывод, что в стихотворении "Во глубине сибирских руд" Пушкин "обещает декабристам только амнистию

и восстановление в правах, а не осуществление их заветного политического идеала" [Н.О. Лернер. Библиотека великих писателей, С. XXIII.].

Иначе говоря, смысл послания заключается в том, что отнятое властью у декабристов достоинство дворянина и гражданина признается за ними друзьями. Актуальность такого прочтения стихотворения в противовес прочтению Одоевского косвенно подтверждается историческими фактами: перед ссылкой и каторгой осужденные декабристы подверглись гражданской казни, когда их лишили права ношения оружия, надломив над головами шпаги. Такое прочтение лишено политической тенденциозности, свойственной Одоевскому, и ближе к пушкинскому замыслу, но и в нем есть некоторый изъян: оно оставляет стихотворение "Во глубине сибирских руд" в пределах политической лирики, закрепляя за ним значение реплики на реальные исторические события и только.

Мы полагаем, что стих – "Братья меч вам отдадут" – может указывать на то, что для Пушкина узники темниц не бунтовщики и преступники, а, прежде всего, друзья и братья. "Желанная пора" – пора встречи друзей. Тогда и в "Стансах" мы можем увидеть не столько проявление проправительственной позиции Пушкина, поэт не приветствовал содеянное государем, а скорее направлял его державную волю, сколько желание приблизить встречу с друзьями. Если встать на такую точку зрения, то противоречия стихотворений 1826 – 1827 годов будут сняты.

В отличие от Н.Я. Эдельмана, мы полагаем, что Пушкин не только не одобрял методы борьбы за осуществление своего идеала, которые избрали декабристы, но и не разделял многих их воззрений. Автор уже написанного "Бориса Годунова" прекрасно осознавал порочность любого насилия в истории и над историей. Для него не менее значимым, нежели историческая диалектика, была нормативность нравственных законов, согласно которым дружба выше всех идеологических разногласий. Именно долг дружбы, ее голос диктует Пушкину послание в Сибирь.

Оправданность такого прочтения послания в Сибирь подтверждает тот факт, что в первой его строфе А.С. Пушкин использовал цитату из "Прощальной песни" А. Дельвига, известной каждому лицеисту первого курса как гимн, исполненный им при выпуске:

Друг на друге остановите
Вы взор с прощальной слезой!
Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу с тою же душой!
То ж к правде пылкое стремленье,
Ту ж ко трудам живую кровь!
В несчастье – гордое терпенье
И в счастье – всем равно любовь!

Призыв – "храните гордое терпенье" – будучи адресован всем узникам "каторжных нор", совершенно по-особенному должен был отозваться в душе И.И. Пущина и В.К. Кюхельбекера, который, как полагал Пушкин в 1826 году, находился там же, где и большинство осужденных декабристов.

Дружба побеждает время и расстоянья – эта мысль красной нитью проходит в стихотворении 19 октября 1825 года ("Редет облаков летучая гряда"), эту же мысль подчеркивает и А. Дельвиг в стихотворении "Снова, други, в братский круг", также посвященном лицейской годовщине, но уже 1826 года:

Но на время омрачим
Мы веселье наше, братья,
Что мы двух друзей не зрим
И не ждем в свои объятья.

Нет их с нами, но в сей час
В их сердцах пылает пламень.
Верьте. Вятен им наш глас,
Он проникнет твердый камень.

Очевидно, что Пушкин знал стихотворение своего друга и, написав "Любовь и дружество до вас / Дойдет сквозь мрачные затворы, / Как в ваши каторжные норы / Доходит мой свободный глас", не просто его перефразировал, а подчеркнул общность своей позиции с позицией Дельвига. Более того, намеренный перифраз стихотворения друга в данном случае - способ подчеркнуть общность позиции.

Дружба – святое чувство для любого лицеиста, в ней он может почерпнуть силы для противостояния судьбе, она – источник надежды, дарующей "бодрость и веселье". Заключительный стих, к которому мы не раз уже обращались, только подтверждает возможность включения послания в Сибирь в ряд лицейских посланий Пушкина, таких, например, как "Мой первый друг, мой друг бесценный", где также звучит победительный мотив "голоса дружбы", так как общеизвестно, что между собой лицеисты именовали себя "чугунными братьями" (последнее по памяtnому кольцу, которое было у каждого из первого выпуска Царскосельского Лицея), а сообщество однокашников – "лицейским братством".

Казалось бы, такая трактовка стихотворения "Во глубине сибирских руд" также, как и политизированное его прочтение, сужает его смысл. Однако, по нашему глубокому убеждению, помимо универсальных и в силу этого утопических идей гармонизации общественной жизни на основах "любви и дружества", о чем писал В.М. Маркович, А.С. Пушкину было важно сохранить и непосредственный и конкретно обращенный смысл своего поэтического послания. "Желанная пора" – утопия в смысле социальном, но реальность в смысле нравственном. Одно другому не противоречит.

Итак, достаточно перевести слово "меч" как знак достоинства, то есть истолковать его символически, как появляется возможность иной, нежели интерпретация А.И. Одоевского, интерпретации стихотворения А.С. Пушкина "Во глубине сибирских руд". И важно не то, какая из существующих интерпретаций единственно правильная, а то, что, только взятые вместе по принципу взаимодополнительности, они образуют смысловое поле пушкинского стихотворения.

Данный пример весьма наглядно показывает, что непонимание знакового значения слова в художественном произведении, что особенно характерно для читателей-школьников в силу ограниченности их читательского опыта и несформированности культурной памяти, влечет за собой если не непонимание авторской позиции, то, во всяком случае, допустимость превратного ее толкования. Это первое препятствие на пути восхождения читателя к смыслу прочитанного.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Библиотека великих писателей. Под ред. С.А. Венгерова. Пушкин. СПб., 1910. — Т. IV. — С. XXIII.
2. Лотман Ю.М. Пушкин. — СПб., 1995.
3. Маранцман В.Г. Методы и приемы изучения литературы в школе // Методика преподавания литературы. — М., 1995. — ч. 1.
4. Маркович В.М. Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. — СПб., 1997.
5. Терц Абрам /Андрей Синявский/ Собр. соч. в 2-х т. — М., 1992. — т. 1.
6. Эйдельман Н.Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. — М., 1984.